

Империя и ее альтернативы в российской историографии

Кирилл Соловьев

Парламент империи или парламент против империи

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_60

Kirill Soloviev

Parliament of the Empire or Parliament against the Empire

27 апреля 1906 года запомнилось многим: и членам императорской семьи, и министрам, и съехавшимся в Петербург депутатам I Думы. Все они собрались в Зимнем дворце, где императору предстояло прочитать речь перед народными избранниками. По правую руку от государя стояли сановники империи: главы ведомств, члены Государственного совета, сенаторы. По левую руку — депутаты. Так встретились две разные и очень непохожие друг на друга России. Одна в мундире и с орденскими лентами. Другая — пестрая, в костюмах разнообразных народов огромной империи. Там были господа в мундирах и фраках, католический епископ, православные священники, депутаты в костюмах народов Средней Азии, конечно же, многочисленные крестьяне в поддевках. Те разглядывали придворных дам, драгоценности на них и думали, сколько можно купить земли, если обратить все эти блестящие камни в рубли. Две России разглядывали друг друга и недоумевали.

Избирательный закон был далек от демократизма. Государственная дума была кривым зеркалом российского социума. И все же многое в ней отражалось: прежде всего сложно устроенная, крайне неоднородная страна, части которой находились как будто бы в различных правовых измерениях. Как не покажется странным, это более чем очевидное обстоятельство не слишком волновало тех, кто разрабатывал Положение о выборах. В своих размышлениях о будущем народного представительства они делали акцент совсем на другом: их волновал словесный, социальный расклад в Думе. Это едва ли случайно. И чиновники, и представители общественности порой забывали об имперском характере российской государственности. Учреждая новое издание Земского собора, они порой вспоминали сказочные страницы из времен царствования Алексея Михайловича

в изложении славянофилов, очень далекие от реалий XVII и тем более XX веков. Они предпочитали не выходить за границы своего кабинета или канцелярии. В их мире все было стройно и упорядочено, в самой же России — далеко не всегда так.

В Таврическом дворце им об этом напомнили. Депутаты с окраин видели себя лоббистами региональных интересов. Уже в I Думе сложилась группа автономистов, были подняты вопросы, которые волновали не центр, а периферию. Повсеместно выборы имели свою уникальную специфику. Так, Грузия делегировала в Петербург социал-демократов даже тогда, когда РСДРП вроде бы решила бойкотировать избирательную кампанию в I Думу. Вполне предсказуемо особую роль играли польские депутаты. К их голосу внимательно прислушивались и слева, и справа. Их было довольно много. Плотные заселенные Привислинские губернии были хорошо представлены в Таврическом дворце¹.

Спустя полтора года, в Положении 3 июня 1907 года, все эти «ошибки» были исправлены. III Дума будет уже в полном смысле этого слова имперская. В ней не только будут разные народы империи — они будут выстроены в особой иерархии. Согласно новому Положению о выборах, Средняя Азия была вообще лишена возможности участвовать в выборах. Представительство от Польши и Закавказья стало заметно более скромным. Иными словами, различные части империи были представлены непропорционально численности населения, а некоторые не были представлены совсем.

Имевшиеся диспропорции тем более бросаются в глаза, если учитывать Государственный совет, где первая скрипка принадлежала назначенным членам, чиновникам, а избранные представляли далеко не всю империю.

Примечательно географическое распределение депутатов. Обычно особое внимание уделяется «пострадавшим», кто был лишен возможности участвовать в формировании народного представительства или же был ограничен в своем праве. О «счастливых» по недоразумению умалчивают. Вместе с тем список губерний с наибольшим представительством весьма характерен. Речь идет о Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Киевской, Курской, Минской, Области войска Донского, Казанской, Пермской, Подольской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Черниговской губерниях. По-своему удивителен удельный вес губерний, представлявших западные окраины империи, что, впрочем, вполне объяснимо. Речь идет о плотно населенных частях империи, где при этом тон задавали преимущественно правомонархические силы. Депутаты, представлявшие Волынь, Подолье, Киев, чаще других были склонны к имперской риторике².

В действительности валовые показатели в отношении Государственной думы мало что говорят. Большинство депутатов никак себя не проявили. Народные избранники чаще всего молчали, а не выступали. Только лишь 161 депутат из 442 членов III Думы хоть как-то обозначил свое присутствие в политической жизни Российской империи. Примечательно их распределение в зависимости от губернии избрания.

1 Циунчук Р.А. Национальные фракции Государственной думы Российской империи: типология, состав // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906—1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г.: Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: [Б.и.], 2010. С. 113—122.

2 Там же. С. 123.

Таблица

Распределение наиболее активных депутатов III Думы
в зависимости от губернии избрания

Регион	Количество депутатов	Процентное отношение
Столицы	10	6,2%
Центр	16	10%
Север России	12	7,5%
Юг России	36	22,5%
Поволжье	13	8,1%
Левобережная Украина	21	13,1%
Западные окраины (Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Польша)	32	20%
Кавка	35	3,1%
Остзейские губернии	3	1,9%
Сибирь и Урал	12	7,5%

Подсчитано по: *Соловьев К.А.* Работоспособное ядро Третьей Государственной думы: численность и состав // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10—11 декабря 2015 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 1. СПб.: ЭлекСис, 2016. С. 126—136.

Таким образом, депутаты, представлявшие центральные губернии России, столицы, а также Север Европейской России, в совокупности составляли только лишь 23,7% активных членов Думы, то есть меньше четверти (*таблица*).

Империи Нового времени слишком сложные образования, чтобы сводить их к элементарной формуле. Им трудно дать определение. Их легче описывать, перечисляя многочисленные, зачастую противоречивые свойства. В сущности, речь идет о больших европейских державах, сложных по своей структуре, предельно неоднородных, так или иначе переживавших общие вызовы: модернизации, национализма, рационализации. Представительные учреждения — прямое следствие всех этих явлений и процессов. В этом заключался известный парадокс: упомянутые тенденции ставили под сомнение традиционные представления о пространстве, иерархии, власти — обо всем, на чем стояли империи столетней давности.

Эти соображения в полной мере относятся и к дореволюционной Государственной думе. Во-первых, как уже отмечалось, архитекторы политической системы поначалу почти забыли, что Россия — империя. Вольно или невольно они отталкивались от популярного тогда концепта Земского собора, который должен был объединить весь народ, а значит, все сословия³. Этнографическое

3 *Демин В.А.* Государственная дума vs. Земский собор (сравнительный анализ проектов С.Е. Крыжановского и В.И. Гурко) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5—6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева Ч. 1. СПб.: Астерион, 2020. С. 61—65;

разнообразие, характерное для России, оставалось за скобками. Такого рода близорукость часто была свойственна российским интеллектуалам из редакции толстого журнала или университетской аудитории.

Во-вторых, так или иначе первая скрипка в Думе принадлежала общероссийским партиям. Это случилось не потому, что они обладали достаточным организационным ресурсом или же мобилизовали лучших людей страны. Это объясняется иначе. Политические партии не были случайными объединениями. Они начали складываться за несколько лет Первой революции, мучительно прорастая из общественного движения предыдущей эпохи. Оно же, в свою очередь, стало формой консолидации различных элитных групп, не слишком довольных текущим положением дел в стране. Земство, городское самоуправление, университеты, печать, общественные организации обрели своих защитников сначала в лице протопартийных объединений, а потом и политических партий. Этим сравнительно малочисленным объединениям не нужно было вести за собой миллионы. Они представляли интересы наиболее активных, наиболее влиятельных и часто в материальном отношении весьма состоятельных групп населения. Преимущественно они говорили от имени центра России или, по крайней мере, тех, кто себя не отделял от общеимперской элиты страны. Едва ли удивительно, что политические партии были по большей части безразличны к национальной проблематике. Они предпочитали отделяться общими формулами, останавливаясь лишь на тех проблемах, которые имели очевидное общероссийское звучание: еврейском, польском и финляндском вопросах.

Партийные лидеры в своих родных губерниях говорили на одном политическом языке, а в Петербурге — на другом. Национальный расклад на окраинах империи поразительным, зачастую неожиданным образом «конвертировался» в «национальное безразличие» избранника отдаленных губерний, ищущего себя в столичной политике⁴. Электоральная игра в различных частях империи осуществлялась по-своему. Например, рижские октябристы объединялись вокруг журнала «Рижский вестник». Это было более чем консервативное издание, слабо отличавшееся от правомонархических печатных органов. Журнал отчаянно боролся за «истинно русские начала», чтобы Рига делегировала преимущественно представителей русского населения в Думу. При этом местные октябристы с легкостью договаривались с немецкими баронами. Этот альянс был логичен и предсказуем. Октябристы прежде всего противостояли кадетам, которые под своим крылом объединяли разнообразные национальные группы: латышские, еврейские, польские, литовские, эстонские. Они вызывали раздражение в равной степени у славянофильствующих рижан русского происхождения и остзейских баронов⁵.

Октябристы могли быть и совсем другими. В некоторых регионах страны они были настроены заметно более оппозиционно, чем руководство Союза 17 октября. Например, это был случай Казанской губернии, где приходилось

Новосельский С.С. Проекты реформы Государственного совета в российской политической мысли 1905 г. // Там же. С. 67–72.

- 4 См.: *Миллер А.И.* Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. — методологические проблемы // *Российская империя между реформами и революциями. 1906–1916* / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. С. 258–260.
- 5 Выборы в Государственную думу // *Вестник Партии народной свободы. 1906. № 6. 11 апреля.* Стлб. 409–410.

договариваться с многочисленным мусульманским населением. Там октябристы, насколько в том не сомневаясь, отстаивали идеи веротерпимости и гражданского равноправия⁶.

Очень разные люди, непохожие друг на друга, правые и левые, консерваторы и либералы, учились слушать коллег по фракции, дабы сохранять единство. Им приходилось договариваться с теми, кто был им чужд и даже неприятен. Так, ориентация на союз с националистами — популярная идея в октябристской среде. И это притом что среди членов партии было немало тех, кто был заметно ближе к кадетам, чем правому крылу общественного движения России. Идею альянса с националистами отстаивал октябрист М.В. Родзянко осенью 1911 года⁷. Это было вполне предсказуемо: недавно избранный председатель Думы вызывал симпатии среди думских правых. В известном столичном ресторане Кюба состоялся ужин с участием думских лидеров, в том числе представителей президиума. Депутат В.М. Пуришкевич, «правее которого в Думе была только стена», поднял свой бокал за Родзянко как представителя «старинного прежнего дворянства»: «Когда я вижу его сановную походку на свою высокую кафедру, то невольно вспоминаю древнюю Московскую Русь, когда жило дворянство и около него народ». Пуришкевич не унимался, вспоминая и прочих членов думского президиума:

Когда я вижу идущего князя [В.М.] Волконского, я вижу в нем старого славного кавалериста, готового сложить свою голову за Царя и Родину. Когда я вижу сидящего по левую сторону М.В. Родзянко М.Я. Капустина, я вижу в нем прежнего старого профессора, профессора-идеалиста времен Грановского. Вот почему я так часто не соглашаюсь со взглядами Михаила Яковлевича [Капустина]. Он смотрит на современную молодежь глазами профессора-идеалиста, а современная молодежь далека от идеальной. Поднимаю бокал за славную Древнюю Русь и всех троих нашего президиума⁸.

Родзянко был правый октябрист, М.Я. Капустин тяготел скорее к левому крылу фракции. Однако и тот, и другой принимали общие правила игры.

И на А.И. Гучкова можно было смотреть глазами восхищенного националиста. Как раз в тот день, когда чествовали президиум, депутат И.М. Коваленко вспоминал тревожные дни революции:

Господа, во время 1905 г. у нас в Ковенской губернии нас, русских, совсем было обидели инородцы. Нам приходилось плохо. Мы были оторваны от сердца России. Мы не знали в страхе, что нам делать. Но на наше счастье раздался в Москве чудный и сильный голос... Этот голос был голосом Александра Ивановича Гучкова⁹.

Таврический дворец был той точкой в империи, где депутату приходилось слушать, что говорят на окраинах, и не только русские националисты. В Думе не было стабильного большинства. Оно формировалось от случая к случаю. Каждый голос мог оказаться решающим.

6 Итоги предвыборной кампании в Казани // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 13. 1 июня. Стлб. 887—888.

7 Ключев И.С. Дневник // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.

8 Там же. Л. 18 об. — 19.

9 Там же. Л. 19 об.

Октябрист И.С. Ключев готовил законопроект об учительских семинариях, встречая сопротивление со всех сторон. В середине мая 1912 года к нему подошел депутат Г.Х. Еникиев, который выразил возмущение: совершенно не учтены интересы инородцев. Ключев парировал: «Да помилуйте, Бога ради. Кто виноват в этом? На заседание комиссии не ходите ни Вы, ни кадеты, ни октябристы, ни поляки, а мне приходится работать с одними националистами, правыми и попами. Что же я могу сделать при таком составе?» Еникиев согласился с этим, при этом предложил пройти к нему на квартиру и побеседовать об общеполитических проблемах.

Ключев согласился. Они зашли в очень удобную, уютную квартиру, где проживал депутат. Еникиев угостил чаем. Пошла беседа, скорее напоминавшая нескончаемый монолог хозяина о настроениях мусульманского населения России. Он обвинял октябристов и правительство в «ложном национализме». Это была близорукость, не позволявшая разглядеть огромной силы, которая надвигалась с востока. Еникиев говорил о 28 миллионах русских мусульман, с которыми надо так или иначе считаться. Он вспоминал, как в 1905 году революционные силы уговаривали их перейти на свою сторону. Тогда из этого ничего не вышло, но кто знает, что будет завтра. Еникиев полагал, что в случае новой революции мусульмане поступят уже иначе:

Знаете, теперь каждый правоверный мусульманин молится главным образом о том, чтобы Бог помог умереть ему не прежде, чем он успеет убить двух-трех противников его свободы и религии. И только лишь дан будет знак, как начнется такая резня, какую трудно даже представить¹⁰.

Хотел он того или нет, но Ключев должен был выслушать этот монолог. Дабы избежать неожиданностей, надо было договариваться со всеми народными избранниками, даже с представителями относительно малых по численности национальных групп.

Однако главное все же заключается в другом. Растущее влияние Думы на политическую жизнь России начала XX века обуславливалось элементарным обстоятельством: законодательные учреждения говорили от имени различных элитных групп. У каждой из них были свои интересы, за которые они готовы были бороться. Их представительство в Петербурге — важнейшее условие внутреннего мира в империи. Это и был главный результат Первой революции. Мучительное взаимодействие правительства с депутатами требовало эволюции обеих сторон. Они должны были научиться соответствовать обретенным возможностям. Проще всего быть фаталистом, заявляя, что у договаривавшихся не было шанса договориться. Едва ли телеологизм такого рода хоть как-то обоснован. Однако можно с уверенностью утверждать, что новые обстоятельства стали вызовом для политических игроков, а значит, и для всей политической системы. В итоге активная позиция, занятая депутатами Думы, говорившими от имени империи, при этом часто забывавшими об имперском характере российской государственности, способствовала ее обрушению. Точку в истории империи поставили не социал-демократы и эсеры, а правый В.М. Пуришкевич, националист В.В. Шульгин, правый октябрист М.В. Родзянко и др.

10 Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 38.